

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava
Has been issued since 2014.
ISSN: 2409-4528
E-ISSN: 2413-7340
2017, 4(1): 12-19

DOI: 10.13187/zngup.2017.4.12
<http://ejournal22.com>

UDC 343.13

Domestic Violence Criminal Proceedings: Some Problems of Practical Application, Perspective Development

Ivan I. Markov ^a, Andrey Y. Klyuchnikov ^{b, *}

^a Lipetsk regional court, Russian Federation

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk affiliated branch, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the questions of criminal cases procedure on domestic violence, a concept and social identity of the «violence» term. The author proves the thesis that aren't an effective legal model for combating domestic violence, because in practice it is difficult to differentiate private and public criminal charges relating to the offence of honor, dignity, and health connected by domestic violence. An important goal is an individual recovery, reflected by the compensation of physical losses and the cost of the victim's psychological rehabilitation. The article argues the need to provide additional procedural safeguards for victims, studies a problem of the procedural balance of the parties. A mediation institution should be one of the most effective ways of domestic violence combating. Mediation agreement could help for the first instance court to establish the actual will of the parties before trial. Mandatory mediation in criminal cases could be the base for the crimes cases resolution of minor and misdemeanor offenses and in careless crimes. The authors offer practical amendments to change criminal procedure Code, for authority and public coordination in domestic violence prevention and crime combating.

Keywords: domestic violence, victim, court, procedural guarantees.

1. Введение

В последние годы проблема домашнего насилия, традиционно носящая социально-правовой характер, приобретает все большую остроту, проявляя все новые, ранее не свойственные данному явлению черты. Несмотря на то, что проблеме уделяется немало внимания как со стороны органов государства, так и научного сообщества, остается немало вопросов. В частности, на сегодняшний день не создана эффективная правовая модель борьбы с домашним насилием, когда на практике сложно дифференцировать дела частного и публичного обвинения, касающегося посягательство на честь, достоинство, здоровье лиц, связанных семейными узами. Суды часто связаны сформированной практикой применения в исследуемой области, тогда как дела о домашнем насилии требуют особого подхода, поскольку затрагивают основу нашего государства – семью как ячейку общества. Важным

* Corresponding author

E-mail addresses: andrew19871961@mail.ru (A.Y. Klyuchnikov)

аспектом является и фактическое нивелирование правоприменителем психологических последствий воздействия на жертву, когда учету подлежат только степень вреда здоровью. Комплексное изучение феномена домашнего насилия представляется важным, особенно в свете постоянно меняющегося законодательства.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе анализа российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства, научной литературы. В процессе исследования применялась совокупность общенаучных (анализ и синтез, логический и др.) и частнонаучных (логико-формальный, системного анализа, сравнительно-правового и др.) методов теоретического исследования.

3. Обсуждение

Термин «домашнее насилие» как социальное явление, закрепленное в уголовных кодексах многих зарубежных стран в качестве самостоятельного состава преступления, аналогов в Уголовном кодексе РФ не имеет. Как разъяснено в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2013 года, «по смыслу Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. государства должны принимать надлежащие и эффективные меры в целях искоренения всех форм насилия как со стороны государственных органов, так и частных лиц, в силу чего на государства может быть возложена ответственность за деяния, совершаемые частными лицами, в том случае, если эти государства не проявляют должной заботы для предотвращения нарушения прав или же расследования актов насилия, наказания виновных и выплаты компенсации». Вместе с тем, должного нормативного регулирования институт домашнего насилия в России по-прежнему не имеет.

В настоящее время институт реализуется посредством норм ст. 115, 116.1 УК РФ (дела частного обвинения), ст. 111, 112, 117, 119 УК РФ (дела публичного обвинения), однако регулирование происходит опосредованно, сквозь призму изменяющихся фактических обстоятельств.

Представляется, что домашнее насилие можно определить как умышленное преступление, направленное на причинение виновным лицом вреда физическому или психическому здоровью другого лица (жертвы), находящегося от него в материальной и иной зависимости, проживающих в одном жилом помещении, и образующие семью. Деяние часто носит длящийся характер. Отличительными признаками насильственных преступлений, относящихся к проявлениям семейного (домашнего) насилия являются: связь с семейно-бытовой сферой отношений; наличие мотивационного аспекта, основу которого составляют, как правило, личная неприязнь, ревность, месть, хулиганские побуждения, виктимное поведение; наличие между виновным и потерпевшим семейного, родственного, либо иного близкого общения (в том числе вне официальных рамок), причинно связанного с совершением преступления (Tehr, 1990: 89).

Как справедливо отмечает Е.Р. Шестопалова, анализ действующих в России нормативно-правовых актов в отношении насилия, в том числе и домашнего, свидетельствует о направленности их в основном на устранение последствий случившегося (Шестопалова, 2012: 89). В этой связи установление эффективного процессуального механизма по уголовным делам о домашнем насилии – вопрос государственного значения.

Первым важным процессуальным аспектом при производстве по уголовным делам о домашнем насилии выступает необходимость максимальной защиты прав, восстановления законных интересов потерпевшего (жертвы). Особая социальная доминанта вытекает из статуса участников производства: обвиняемым (подсудимым) и потерпевшим становятся близкие друг другу лица, включая несовершеннолетних детей. В этой связи производство по уголовному делу становится необычайно щепетильным вопросом. Кроме того, специфика семейных отношений влечет за собой высокую латентность данных преступлений (Ellenberger, 1954: 119).

Как представляется, по делам о домашнем насилии восстановление социальной справедливости как одна из целей наказания по смыслу ч. 2 ст. 43 УК РФ должно

толковаться правоприменителем не только как борьба с общегосударственной проблемой через воздействие на виновное лицо мерами уголовно-правового принуждения, но и как общая превенция. Важной задачей является индивидуальное восстановление, выражающееся в компенсации «физических» потерь и затрат жертвы, психологической реабилитации и нивелировании негативных последствий социальной несправедливости в отношении потерпевшего. Правоприменитель должен четко различать проявления домашнего насилия как в криминальной, так и некриминальной формах (Zerrios, 1991: 290).

Создание эффективной модели борьбы с домашним насилием предполагает обязательный учет интересов потерпевшего, но актуальное регулирование уголовного преследования по данной категории дел далеко не всегда способно реализовать их в полном объеме. Так, если по делам частного обвинения производство может быть прекращено в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (ч. 2 ст. 20 УПК РФ), то по делам публичного обвинения – только если впервые (ст. 76 УК РФ) совершено преступление небольшой или средней тяжести при условии примирения с потерпевшим и заглаживания вреда (ст. 25 УПК РФ).

Как отмечает Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев, даже если обвиняемое лицо примирилось с потерпевшим, загладило причиненный ему вред, имеется согласие подсудимого на прекращение дела, суд вправе и не прекращать производство по делам частного-публичного, публичного обвинения при наличии указанных условий, несмотря на императивное указание об этом в статье 254 УПК РФ. С учетом конкретных обстоятельств содеянного, оценки характера и степени общественной опасности деяния, отягчающих наказание обстоятельств, данных о личности виновного суд может отказать в прекращении дела за примирением сторон (Лебедев, 2013: 238).

Аналогичный подход содержат и международные стандарты. Статья 55 Конвенции Совета Европы о предупреждении и пресечении насилия в отношении женщин и насилия в семье от 7 апреля 2011 г. № 120 (Стамбульская конвенция) исключает прекращение уголовного преследования и судебного разбирательства в случае отказа жертвы от заявления по делам о физическом и сексуальном насилии.

Следствие, суды вынуждены исходя из фактических обстоятельств дела анализировать и применять значительное количество оценочных понятий, категорий, являющихся по своей природе как правовыми, так и социальными (нормы морали, нравственности), например, особая жестокость, истязание, психотравмирующая ситуация.

Вопросы факта, носящие оценочный характер, влекут в каждом случае правовую нестабильность, а в свете инстанционности судопроизводства могут быть интерпретированы по-разному.

Снизить такую зависимость позволит всестороннее исследование произошедшего конфликта между обвиняемым и потерпевшим при условии, что компенсация имущественного, физического, а особенно психологического вреда последнего станут основой судопроизводства. По делам о побоях, истязании, угрозе убийством, домашнем насилии правоприменитель должен отталкиваться не от ретрибутивного основания ответственности, строящегося на наказании, а от реститутивного основания (от лат.), предполагающего восстановление положения, существовавшего до нарушения субъективного права и справедливую компенсацию.

На наш взгляд, в этой части широта судебского усмотрения в последнее время справедливо ограничивается рамками медиативного соглашения, которое позволяет оказать безусловную практическую помощь суду первой инстанции в установлении действительной воли сторон до начала судебного разбирательства. При необходимости суд второй инстанции сможет проверить такое волеизъявление сквозь призму фактических обстоятельств дела. Думается, что в перспективе при условии введения обязательной медиации по уголовным делам она должна стать основой разрешения дел о преступлениях небольшой и средней тяжести, а в ряде случаев – преступлений с неосторожной формой вины.

Важным аспектом проблемы становится также и отказ от «механического» определения размера компенсаций по гражданскому иску в части морального вреда, поскольку применительно к домашнему насилию исследователи используют более широкие понятия насилия, психологического вреда.

Насилие психологами определяется как намеренная агрессия в виде применения физической силы или угрозы ее применения, основанная на доминировании одного лица над другим, последствием которого выступает физический и/или психологический вред. Лицо, совершающее домашнее насилие, старается, чтобы его жертва оставалась «закрытой в доме», не общалась с родственниками и друзьями, безгранично подчинялась «его правилам».

Имея разный характер воздействия, психологический вред может проявляться не только в волевом целенаправленном воздействии на сознание жертвы, но и в интеллектуальном превосходстве, когда познавательная сфера жертвы «сужена» ввиду многолетней изоляции от мира, худшего образования, недостаточных знаний об окружающей действительности.

Возможно воздействие и на эмоциональную сферу потерпевшего. Многолетнее применение насилия вызывает перманентное ощущение испуга, тревоги, часто перерастающее в психический паралич, «синдром жертвы», в науке именуемый «выученной беспомощностью» (*learned helplessness phenomenon*). Как отмечает Б. Шварц, изначально жертвы стараются активно противостоять актам насилия, но видя, что предпринимаемые меры (попытки поговорить, угрозы ухода из семьи, поиск поддержки у близких) эффекта не дают, утрачивают контроль над ситуацией и перестают реагировать даже на попытки помощи извне. Посттравматические изменения центральной нервной системы, механические повреждения, длительный и интенсивный стресс могут привести к необратимым последствиям ([Schwartz, 2000: 31](#)).

Как видно, насилие является многогранным социальным явлением, подлежит дифференциации по степени воздействия на потерпевшего. На наш взгляд, внешние формы его проявления, последствия для жертвы должны отражаться в итоговом решении по уголовному делу. На практике же разная степень психологического воздействия правоприменителем учету не подлежит, а назначаемое наказание своих целей не достигает.

Другой задачей эффективного производства по делу является необходимость устранения психологического неравенства между обвиняемым и потерпевшим посредством уголовно-процессуальных гарантий, позволяющих обеспечить их «правовое выравнивание».

Основу доказательственной базы по делам о домашнем насилии составляют показания сторон (ст. 76–78 УПК РФ), свидетелей, протоколы об отказе свидетельствовать против супруга, других близких родственников (ст. 79 УПК РФ), заключение с результатами освидетельствования или судебной экспертизы (ст. 144, 179 УПК РФ). В этой части на стадии предварительного расследования сохраняется относительный процессуальный паритет сторон.

Однако с момента направления дела с обвинительным актом, заключением в суд баланс нарушается. Потерпевший в судебном разбирательстве по делам публичного обвинения рассматривается не более чем «источник информации», поскольку в случае отказа государственного обвинителя от обвинения не замещает его (субсидиарный обвинитель), а лишь ждет разрешение вопроса о наказании и возмещении вреда, определяемых по усмотрению должностных лиц («монополия прокуратуры на распоряжение обвинением») ([Лапатников, 2014: 38](#)). Судебная практика выработала лишь единственное исключение, когда только при наличии заявления потерпевшего о желании привлечь подсудимого к уголовной ответственности суд вправе вынести обвинительный приговор без учета мнения прокурора (ввиду установленной в судебном заседании необходимости переквалификации деяния на статьи 115, 116 УК РФ, с учетом п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ 1996 г. N 1 «О судебном приговоре»).

Защита от имени государства интересов законности, общественных интересов как основных функций прокурора в уголовном судопроизводстве часто отодвигают на второй план законные интересы потерпевшего. Кроме того, в силу принципа неделимости любой из прокуроров выступает от имени прокуратуры в целом, а действующий УПК РФ позволяет сменять прокуроров в ходе судебного разбирательства. Вступление в дело нового прокурора, знакомящегося с материалами дела «по бумагам», разрушает и без того хрупкое равновесие.

Для потерпевшего судебный процесс – исключительный, личный опыт, в котором соединяются определенные надежды. Если они не реализуются, он покидает зал судебного заседания с чувством несправедливости и повторной обиды. Суд при вынесении решения в

подавляющем большинстве случаев руководствуется исключительно публичными интересами, сложившейся судебной практикой, что порождает в ряде случаев формальный подход к учету законных интересов потерпевшего. Проблема кроется в том, что уголовно-процессуальный закон в этой части оставляет мало возможностей для маневра, посылного только опытным и квалифицированным судьям. Думается, что законодатель создал очень небольшое пространство потерпевшему, в пределах которого он может оказывать влияние на ход и результаты уголовного судопроизводства.

Проблемы создает и тактика сторон, например, при наличии смежного бракоразводного процесса. Факт инициации уголовного производства укрепляет позиции потерпевшего в производстве по семейному делу, вызывается желанием «очернить» супруга, сделать его виновной стороной в распаде семьи, получить большие материальные выгоды. Презумпция равенства сторон перед судом нарушается, а факты, отраженные в решении одного суда, могут стать преюдициальными для другого.

В этой связи возникает вопрос о тех процессуальных мерах, которые способны не только достичь целей наказания в виде исправления осужденного, восстановления социальной справедливости (ст. 43 УК РФ), но и обеспечить интересы потерпевшего при сохранении баланса сторон, а может даже и сохранить семью.

Прежде всего, проблема возникает с закрепленными в главе 13 УПК РФ мерами процессуального принуждения: применительно к домашнему насилию они являются либо чрезвычайно суровыми (заключение под стражу), либо не достигают своих целей в виде изоляции от потерпевшего (подписка о невыезде, домашний арест).

В качестве возможной меры превентивного характера можно предложить известный многим правовым порядкам институт охранного приказа, обеспечивающий достижение физического расстояния между обвиняемым и потерпевшим. Они могут иметь разную направленность. Практике известны судебный приказ об удержании, о запрете совершения конкретного действия, о выселении, об ограничении или запрете контактов с детьми, запреты на почтовые отправления. Судья, выдавая приказ, не вправе входить в обсуждение вопроса о вине, ответственности, однако целенаправленно определяет обвиняемому социально позитивную модель поведения через устанавливаемые запреты вплоть до завершения предварительного расследования. Думается, что в зависимости от последующего поведения обвиняемого суд вправе усилить или смягчить применяемую меру.

Институт охранного приказа в зависимости от характера меры мог бы быть закреплен в разделе 4 УПК РФ «Меры процессуального принуждения» и применяться либо по судебному решению, либо органом предварительного расследования с последующим судебным контролем (например, формируемым институтом следственных судей). На наш взгляд, институт должен содержать широкий спектр запретительных мер, которые позволят суду, с учетом обстоятельств дела, принять наиболее эффективную. Согласимся с мнением Л.А. Чикановой, что «включение подобных норм могло бы способствовать «приведению в чувство» многих правонарушителей» ([Аналитический обзор на тему...: 17](#)).

Однако указанная мера является временной, пресекающей усугубление конфликта, но не всегда способна его погасить.

В этой связи путем выхода из ситуации могло бы стать введение в процессуальное законодательство посредничества (медиации) по уголовным делам о домашнем насилии. Поскольку оно направлено, прежде всего, на устранение психологического дисбаланса, поиск взаимоприемлемых для сторон путей выхода из ситуации, реализуется независимым третьим лицом, а не должностным лицом следствия или суда, это повышает состязательность сторон, процессуальную активность потерпевшего, помогает достичь оптимального разрешения конфликта ([McQuigg, Ronagh, 2011](#)).

По мнению А.К. Большой, восстановительный подход в правосудии успешно применяется при таких составах преступления, как преступления, совершенные на почве ненависти, преступления против личности, насильственные действия сексуального характера, домашнее насилие (например, ч. 5 ст. 41–1 УПК Франции предусматривает право прокурора по требованию или с согласия жертвы провести медиацию между правонарушителем и жертвой домашнего насилия) ([Лебедев, Хабриева, 2013: 171](#)).

В целом преимущества медиации базируются на трех основаниях: осознание обвиняемым (подсудимым) характера и степени причиненного вреда, сокращение

процессуальных издержек по уголовному делу, достижение целей наказания. В обмен на смягчение наказания виновное лицо принимает на себя дополнительные обязанности, вытекающие из медиативного соглашения.

Предпосылкой заключения соглашения является изменение поведения обвиняемого через деятельное раскаяние, принятие мер по возмещению вреда, в том числе и на будущее, в конечном счете – изменение правосознания. Он иначе будет думать о своей вине, о назначенном наказании, даст суду основания назначить более мягкое наказание из перечня предусмотренных статьей 44 УК РФ. Уголовный закон предусматривает широкий спектр институтов, позволяющих снизить меру уголовно-правового воздействия, освободить подсудимого от наказания или ответственности: активное содействие раскрытию и расследованию преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда (п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), позитивное поведение при назначении условного осуждения (ч. 3 ст. 73 УК РФ), деятельное раскаяние и примирение с потерпевшим (ст. 75–76 УК РФ). Если своим поведением подсудимый докажет желание исправиться уже на этапе досудебного производства, возьмет на себя определенные обязательства, суд сможет с большей уверенностью применять данные меры. Контроль же потерпевшего как заинтересованной стороны за исправлением подсудимого может быть эффективнее государственного контроля.

В этой связи, в ст. 299 УПК РФ о вопросах, разрешаемых судом при постановлении приговора, необходимо внести пункт 8.1. в редакции: «имеются ли основания для применения результатов посредничества (медиации)».

4. Результаты

1. Домашнее насилие необходимо понимать как умышленное длящееся преступление, направленное на причинение виновным лицом вреда физическому или психическому здоровью потерпевшего, находящегося от него в материальной и иной зависимости, проживающих в одном жилом помещении, и образующие семью.

2. Применение норм о домашнем насилии позволяют выделить основные проблемы, препятствующие созданию эффективной модели борьбы с ним: отсутствие нормативного закрепления института, характер уголовного судопроизводства, отсутствие нормативных регуляторов, позволяющих ограничить широту усмотрения правоприменителя.

3. Основой эффективной правовой модели противодействия домашнему насилию должна стать медиация, поскольку отражает волеизъявление сторон, позволяет нивелировать последствия конфликта, разгрузить органы следствия и суды от несвойственных им функций.

5. Заключение

Изложенное позволяет прийти к выводу, что производство по делам о домашнем насилии обладает следующими признаками: может осуществляться в порядке как частного, так и публичного обвинения, с учетом фактических обстоятельств дела может не подлежать прекращению даже в случае согласия на это потерпевшего, изначально таит в себе угрозу процессуального дисбаланса статуса потерпевшего и обвиняемого, предполагает применение оценочных понятий. К недостаткам актуальной модели можно отнести акцент на устранение последствий преступления без учета действительных интересов потерпевшего, отсутствие в законе мер процессуального принуждения, позволяющих сохранить баланс интересов сторон и целей правосудия, формальный подход к определению степени и характера причиненного вреда. В качестве возможных мер, способных изменить ситуацию, можно предложить ввести в уголовно-процессуальный закон меры принуждения, ограничивающие отдельные конституционные права и свободы (на общение с отдельными лицами, переписку), посредничество (медиацию), развивать программы предупреждения и борьбы с домашним насилием, создать сеть кризисных центров на уровне субъектов РФ.

Литература

[Аналитический обзор на тему...](#) – Аналитический обзор на тему: «Соответствие российского законодательства требованиям международной организации труда» / под. ред.

Л.А. Чикановой [Электронный ресурс]: Электронное периодическое издание Справочная Правовая Система «КонсультантПлюс»: Версия Проф.

[Лапатников, 2014](#) – *Лапатников М.В.* Перспективы субсидиарного обвинения в российском уголовном процессе // *Российская юстиция*. 2014. № 2. С. 37-41.

[Лебедев, 2013](#) – *Лебедев В.М.* Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2013. 824 с.

[Лебедев, Хабриева, 2013](#) – *Лебедев В.М., Хабриева Т.Я.* Правосудие в современном мире: монография. М.: Норма, 2013. 674 с.

[Шестопалова, 2012](#) – *Шестопалова Е.Р.* Особенности правового регулирования криминальной виктимности женщин и профилактика семейного насилия // *Административное и муниципальное право*. 2012. №8. С. 86-89.

[Ellenberger, 1954](#) – *Ellenberger, H.* (1954). Relations psychologiques entre le crime et la victime // *Jbid.* 2: 38.

[McQuigg, Ronagh, 2011](#) – *McQuigg, Ronagh, J.A.* Potential problems for the effectiveness of international human rights law as regards domestic violence" // in *McQuigg, Ronagh J.A.* International human rights law and domestic violence: the effectiveness of international human rights law. Oxford New York: Taylor & Francis, 2011.

[Schwartz, 2000](#) – *Schwartz, B.* (2000). From Helplessness to Hope: The Seminal Career of Martin Seligman. Radnor, 38 p.

[Tehr, 1990](#) – *Tehr, H.* (1990). Changing Lenses: A New Focus for Crime and Justice. Herald Press, 772 p.

[Zerrios, 1991](#) – *Zerrios, D.* (1991). Domestic violence: risk factors and outcomes. *The Western Journal of Medicine*. BMJ Group. 2: 303.

References

[Analiticheskii obzor na temu...](#) – *Analiticheskii obzor na temu: «Sootvetstvie rossiiskogo zakonodatel'stva trebovaniyam mezhdunarodnoi organizatsii truda»* [The analytical review on the topic: "Conformity of Russian legislation with the requirements of the international labor organization"]. pod. red. L.A. Chikanovoi [Elektronnyi resurs]: Elektronnoe periodicheskoe izdanie Spravochnaya Pravovaya Sistema «Konsul'tantPlyus»: Versiya Prof. [in Russian].

[Lapatnikov, 2014](#) – *Lapatnikov, M.V.* (2014). Perspektivy subsidiarnogo obvineniya v rossiiskom ugovnom protsesse [The prospects of a subsidiary accusation in the Russian criminal trial]. *Rossiiskaya yustitsiya*. 2: 37-41. [in Russian].

[Lebedev, 2013](#) – *Lebedev, V.M.* (2013). Praktika primeneniya Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii. Aktual'nye voprosy sudebnoi praktiki, rekomendatsii sudei Verkhovnogo Suda RF po primeneniyu ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva na osnove noveishei sudebnoi praktiki [The practice of applying the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The actual issues of judicial practice, recommendations of judges of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of criminal procedural legislation on the basis of the latest jurisprudence]. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 824 s. [in Russian].

[Lebedev, Khabrieva, 2013](#) – *Lebedev, V.M., Khabrieva, T.Ya.* (2013). Pravosudie v sovremennom mire [The justice in the modern world]: monografiya. M.: Norma, 674 s. [in Russian].

[Shestopalova, 2012](#) – *Shestopalova, E.R.* (2012). Osobennosti pravovogo regulirovaniya kriminogennoi viktimnosti zhenshchin i profilaktika semeinogo nasiliya [The peculiarities of the legal regulation of the crime victimization of women and the prevention of family violence]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*. 8: 86-89. [in Russian].

[Ellenberger, 1954](#) – *Ellenberger, N.* (1954). Relations psychologiques entre le crime et la victim. *Jbid.* 2: 38 [in French].

[McQuigg, Ronagh, 2011](#) – *McQuigg, Ronagh, J.A.* Potential problems for the effectiveness of international human rights law as regards domestic violence". in *McQuigg, Ronagh J.A.* International human rights law and domestic violence: the effectiveness of international human rights law. Oxford New York: Taylor & Francis, 2011 [in English].

[Schwartz, 2000](#) – *Schwartz, B.* (2000). From Helplessness to Hope: The Seminal Career of Martin Seligman. Radnor, 38 p. [in English].

[Tehr, 1990](#) – *Tehr, H.* (1990). Changing Lenses: A New Focus for Crime and Justice. Herald Press, 772 p. [in English].

[Zerrios, 1991](#) – *Zerrios, D.* (1991). Domestic violence: risk factors and outcomes. *The Western Journal of Medicine*. BMJ Group. 2: 303 [in English].

УДК 343.13

О некоторых вопросах уголовного судопроизводства по делам о домашнем насилии

Иван Иванович Марков ^a, Андрей Юрьевич Ключников ^{b, *}

^a Липецкий областной суд, Российская Федерация

^b Липецкий филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы производства по уголовным делам о домашнем насилии, раскрывается понятие и социальные черты данного института, дается характеристика термина «насилие». Авторами обосновывается тезис о том, что на сегодняшний день не создана эффективная правовая модель борьбы с домашним насилием, поскольку на практике сложно дифференцировать дела частного и публичного обвинения, касающегося посягательства на честь, достоинство, здоровье лиц, связанных семейными узами. Важной задачей становится индивидуальное восстановление, выражающееся в компенсации физических потерь и затрат жертвы, психологической реабилитации. Обосновывается тезис о необходимости предоставления дополнительных процессуальных гарантий потерпевшим по таким категориям дел, исследуется проблема процессуального баланса сторон. Одним из эффективных способов борьбы с домашним насилием должен стать институт медиации. С помощью медиативного соглашения суд первой инстанции может установить действительную волю сторон до начала судебного разбирательства. Обязательная медиация по уголовным делам может стать основой разрешения дел о преступлениях небольшой и средней тяжести, а в ряде случаев – преступлений с неосторожной формой вины. Авторами сделаны предложения практического характера, направленные на внесение необходимых изменений в уголовно-процессуальное законодательство, координацию органов власти и общественности в профилактике и борьбе с домашним насилием.

Ключевые слова: домашнее насилие, жертва, суд, процессуальные гарантии.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andrew19871961@mail.ru (А.Ю. Ключников)